

Знаете ли вы поручика Ржевского? Конечно же, знаете. А знаете ли вы, что в действительности поручик Ржевский был совсем не таков? Теперь у вас есть шанс узнать и это. Достаточно лишь познакомиться с его подлинной историей. Историей, полной авантур и приключений. Историей, в которой наряду с прославленным поручиком действуют его «заклятый друг» корнет Оболенский и многие реальные персонажи, почитавшие за честь жить в одно время со столь знаменитым героем.

От авторов

Илья Муромец, Алеша Попович и Микула Селянинович — эту тройку былинных богатырей давно заменили в современном русском фольклоре комдив Чапаев, штандартенфюрер Штирлиц и поручик Ржевский.

Однако если о первых двух мы знаем практически все, то не менее знаменитый поручик Ржевский остается до сих пор во многом загадочной фигурой. Гусар, бретер, дамский угодник, не пропускающий ни одной юбки, участник Отечественной войны, герой многочисленных анекдотов. Вот, пожалуй, и все.

Нет ответа даже на главный вопрос — был ли поручик Ржевский на самом деле? Впрочем, на этот вопрос мы как раз можем ответить. Конечно же, был. Просто не мог не быть. Разве можно представить себе Францию без Д'Артаньяна, Испанию — без Дон Жуана, Италию — без Казановы? Решительно невозможно. А можно ли представить себе Россию без поручика Ржевского? Разумеется, нет. Так что в существовании поручика сомневаться не приходится. Недаром же про него рассказывают столько разных историй.

До сих пор не было только одной — подлинной истории поручика Ржевского. Ее мы и предлагаем вашему вниманию...

История первая

«Поручик Ржевский вместе со своим денщиком возвращается домой после войны, оглядывается вокруг и говорит...»

Погожим осенним деньком 1817-го года по проселочной дороге неподалеку от Санкт-Петербурга ехали двое всадников. Молодцеватый гусар в чине поручика, восседавший на своенравной каурой кобыле, с нескрываемым восторгом вертел головой по сторонам.

— Эх, Иван! — обратился он к своему спутнику — пожилому солдату в потертой шинели. — Ты только погляди вокруг. Родная... родная, родная земля. Холмы и равнины, леса и поля... — Произнеся эти слова, поручик удивленно приподнял брови. — Кстати, красиво звучит. Так и тянет положить на музыку. Не находишь?

— Да я на нее давно уже, на вашу музыку... — буркнул солдат, явно не разделявший поэтического настроения господина.

— Иван! — вспыхнул гусар. — Я, кажется, просил тебя не говорить скабрзностей!

— А как еще скажешь, если мне эта музыка до...

— Стоп! — Поручик осадил лошадь, вынудив ден-

щика остановиться. — Если в следующий раз захочешь сказать скабрзность — молчи! Просто молчи. — Не встретив возражений, он вновь тронулся вперед. — Хотя вообще-то пора бы привыкнуть к нормальной речи. Ты две недели как покинул полк.

— Так до того, почитай, сколько лет... — возразил строптивый денщик.

— И что с того? Я тоже служил в гусарах, но смог сохранить себя человеком твердых моральных принципов.

— Как же! А кто на обеде у княгини Трубецкой канарейку в чай выжал? — ехидно прищурился Иван. — «Лимончик с ножками, лимончик с ножками...»

Гусар заметно смутился.

— Боже мой, сколько можно попрекать меня этим постыдным фактом? Ты прекрасно знаешь, что после этого я дал себе зарок: никогда не пить... — Поручик посмотрел в сторону и добавил: — Во всяком случае, в таких количествах... Разве не так? Что молчишь?

— Так вы же сами велели: «Молчи». Потому и молчу.

Дорога повернула, и взгляду ездоков открылся боконогий дворовый мальчик, шедший им навстречу с удочкой в руках.

— Смотри, Иван, — умилился гусар. — И я когда-то был таким же, как он.

Иван понял хозяина буквально.

— Таким вот голодранцем? Небогатое, видать, семейство, — чуть слышно добавил он.

Денщик, верой и правдой прослуживший поручику целых пять лет, рассчитывал обрести в имении спокойную сытую старость, и потому возможная бедность господ стала для него неприятным сюрпризом.

Поручик, с головой уйдя в воспоминания, не заметил перемены чувств денщика. Перед его глазами уже оживала сцена из далекого детства...

Подросток лет двенадцати, одетый в белую накрахмаленную матроску, посмотрел на своего товарища — мальчика чуть постарше.

— Твоя очередь, Ржевский.

Тот демонстративно убрал руки за спину.

— Бросать палку в женщину? Никогда.

— Ну, как хочешь.

Мальчик в матроске поднял битую и, прищурив глаза, холодный взгляд которых так не вязался с его обликом юного херувима, принялся целиться в куклу, посаженную посреди дорожки.

— Если сестра узнает, что вы украли куклу Натали Базаровой, вас опять оставят без сладкого, — заметил Ржевский. — И вообще, Оболенский, признайтесь, что вы в нее влюбились.

— Кто?! Я?! — взвился Оболенский. — Я — влюбился?!

— Да, влюбился. — Ржевский посмотрел на него с вызовом.

Сцена могла бы иметь весьма бурное продолжение, если бы со стороны дороги не послышалось отдаленное лошадиное ржание.

— Гусары! — воскликнул Оболенский. — Бежим.

Он бросился к воротам усадьбы. Ржевский не преминул составить ему компанию.

На дороге показался гусарский эскадрон. Оболенский смотрел на бравых гусар с обожанием.

— Дяденьки, возьмите меня с собой! — крикнул он.

Пролетавший мимо гусар ухмыльнулся.

— Вырастешь — возьмем.

— Я уже вырастил! — бросил вдогон Оболенский, поняв гусара превратно. — А не возьмете — сам к вам сбегу!

Эскадрон пронесся мимо. Ржевский пожал плечами.

— Что за удовольствие — пашкой махать?

Оболенский удостоил его презрительного взгляда.

— Ты ничего не понимаешь. Воевать — единственное стоящее дело для мужчины.

— Вот еще, — не согласился с приятелем Ржевский. — Мне кажется, мужчина прежде всего должен учиться, учиться и учиться. Кто-нибудь еще вспомнит эти мои слова...

— Восемьсот третий год... Как давно это было, Иван... — вздохнул поручик. Они подъехали к мальчугану, который смотрел на них с интересом.

— Здорово, герой.

— Здравствуй, барин. А ты кто?

— Поручик Ржевский мы, — ответил за господина Иван. — Слыхал небось?

Мальчик вытаращил глаза и отступил на пару шагов.

— Поручик Ржевский?!

Гусар расхохотался и повернулся к Ивану.

— Не верит. Вот что, брат, беги-ка ты... — Он вновь оборотился к пацаненку, но тот, бросив удочку, уже улупетывал со всех ног.

— Смотри, как попер, — удивился Иван.

— Хочет первым радость в дом принести. Батюшка и матушка ждут небось. Все глаза проглядели... — Поручик полез в карман за письмом, читаным-перечитаным уже много раз.

В усадьбе Ржевских дворовые люди занимались своими делами, когда на дороге показался бегущий мальчик. Еще не добежав до ворот, он принялся кричать:

— Едут! Едут! Поручик Ржевский едут!

Слова гонца произвели на дворовых сильное впечатление.

— Ой, лишенько! — Одна из баб, развешивавших белье, принялась бестолково метаться по двору.

— Девок! Девок в дом прячьте! — заголосила вторая.

Бородатый мужик толкнул по направлению к дому молодую статную девку:

— Беги, Палашка!

— Пошто, тятенька? — Юная красавица явно не желала уходить.

— «Пошто? Пошто?» — передразнил ее отец. — По это самое. Беги, я сказал! И запомни. Ежели, не приведи господь, встретишь поручика, в глаза ему не смотри — сгинешь. Беги!.. Стой! — вернул он уже наладившуюся бежать дочь. — Задом к нему тожь не воротись. Пропадешь. А то лучше матери скажи — пусть рожу тебе сажей вымажет. — Мужик с тревогой посмотрел на ворота. — Француза пережили, бог даст, и эту напасть переживем.

На крики челяди из дома выглянула экономка Ржевских Глафира — статная женщина лет тридцати пяти.

— Чего за шум? — лениво спросила она.

— Поручик приехал! — с готовностью выпалила Палашка, пробегая перед ней.

Глафира встрепенулась.

— Неужто дождались?! — радостно воскликнула она, мигом вернулась в дом, подбежала к иконе и рухнула на колени. — Заступник небесный! Христом

богом моллю! Все ты мне дал. И статью, и красоту. Сделай теперь меня дворянкой! А я тебе за то оклад серебряный закажу. — Глафира вперила в икону пристальный взгляд. — Кажись, кивнул. Иль подмигнул? Точно, подмигнул, — обрадовалась она, накинула цветную шаль и принялась наспех прихорашиваться у зеркала.

Отец поручика — Иван Антонович Ржевский — весьма brave для своих лет представительный старик — разбирал в кабинете бумаги, когда туда вбежала его жена Елена Андреевна с книгой в руках.

— Отец! Сыночек наш едут! Сашенька! Мальчонка дворовый прибежал.

— Едет?! — живо оборотился Иван Антонович. — Ах, радость-то какая! Дай ему рубль на водку!

— Сашеньке?

— Окстись! Гонцу твоему.

Елена Андреевна недоуменно посмотрела на мужа.

— Это мальчонке-то рубль на водку? Ты сдурел, старый?

— Ну, дай полтину, — отмахнулся старик. — Хлеб-соль готова ли?

— Давно готова, — закивала жена. — А книгу-то как? — Она протянула Ивану Антоновичу красную книгу в кожаном переплете. — Прятать али в красный угол покласть?

— Книгу? — Иван Антонович взял фолиант, на обложке которого золотыми буквами было вытиснено: «Похождения поручика Ржевского». — В тряпицу заверни от греха, — решил он. — Уж больно похабная... Да в красный угол поклади, — добавил старик с очевидной гордостью в голосе, словно устыдившись первоначального решения.

Его сын в который раз перечитывал отцовское письмо.

— Батюшка пишет, что Наташа все еще не замужем, — сообщил он Ивану, будто денщик не знал этой необычайно волновавшей поручика вести. — А тут еще маменька своей рукой приписала: мол, ждет она. Возможно ли это? Прошло пять лет...

— Чего ж невозможно? У нас в деревне тоже случай был. Парень один на заработки уехал. Потом вернулся. А девка его не замужем и ждет.

— И долго ждала?

— Да нет, недолго. Когда он приехал, она уж на девятом месяце была.

— Иван! — возмутился Ржевский.

— И вы туда же: Иван! — обиделся денщик. — Я ж тогда землю ел, что не от меня... Ох, сколько я этой землицы за свою жизнь переел, — вздохнул он.

Ржевский приблизил лошадь к коню денщика.

— Я должен с тобой серьезно поговорить.

— А чего ж... Давайте, поговорите.

— Мне бы не хотелось, чтобы твое поведение бросило тень на мою репутацию. Здесь, на родине, меня помнят чистым, возвышенным юношей, полным надежд и планов... Если ты позволишь себе что-нибудь подобное при Наташе...

Иван приложил руку к груди.

— Разве ж я без понятия, чтобы при бабе?

— Она не баба!

— Конечно, не баба, — с готовностью согласился денщик. — Раз ждет, значит, девушка еще.

— Иван!!! — взвился Ржевский, осаживая лошадь.

Денщик бросил поводья и развел руками.

— Да что ж я такого сказал? Я, ваше благородие, так думаю. Ежели б господь не хотел, чтоб я такое говорил, он бы меня языка лишил. А коль не лишил,

значит, мои слова ему не противны. Он же как-никак тоже мужик. Молчу, молчу... — торопливо добавил он, поймав свирепый взгляд господина, и все же не удержался от продолжения: — Но вот ежели в Священном писании сказано, что создал он нас по образу и подобию своему, значит, у него тоже... Молчу, молчу, молчу, — затараторил Иван.

Ржевский безнадежно махнул рукой.

— Что тебе объяснять? Лошадиная задница поймет быстрее, чем ты.

Вдали показалась усадьба.

— Смотри, Иван, — показал рукой поручик. — Вот мы и дома.

История вторая

«Поручик Ржевский приезжает домой. Отец протягивает ему огромный фужер с шампанским. Поручик спрашивает:

— Что это?

— Шампанское. Самое лучшее.

— Нет, батюшка, такая порция не для меня, — отвечает поручик.

Отец поворачивается к жене и говорит...»

Во дворе усадьбы выстроилась довольно странная депутация. За исключением радостно улыбавшейся Глафиры, чей наряд с очевидностью свидетельствовал о том, что небольшое время, отведенное ей на подготовку к встрече, не прошло даром, все остальные принадлежали исключительно к мужескому полу. Ломая в руках шапки, мужики смотрели на гостей весьма напряженными взглядами. Лишь на некоторых лицах можно было разглядеть подобие улыбки, больше похожей на оскал.

— Чего это они? — спросил поручик денщика.

Тот пожал плечами.

— Сдурели, видать, от радости.

— Похоже на то.

Глафира вышла вперед, отвесила низкий поклон и произнесла глубоким грудным голосом:

— С приездом, барин. Доброго здоровычка!

— Спасибо, — поблагодарил ее Ржевский. — Хоть одна нормальная, — шепнул он Ивану.

Денщик разглядывал Глафиру с нескрываемым интересом.

— Женщина видная, — согласился он. — И форм приятных.

Поручик поморщился.

— Ты все о своем.

Не успели они слезть с коней, как двери усадьбы распахнулись, и на крыльцо, спешно поправляя на себе одежду, вышли родители поручика в окружении домочадцев.

Ржевский, не помня себя, бросился к ним.

— Здравствуйте, папенька! — сжал он в горячих объятиях отца, против воли пустившего слезу. — Здравствуйте, маменька, — оборотился он к матери.

— Сынок! — Та немедленно припала к пропыленному ментуку поручика.

— Погодь, мать. — Иван Антонович ревниво вырвал сына из материнских рук. — Дай-ка я на тебя посмотрю... Орел! Истинный орел! — с удовольствием заключил он и добавил фразу, смысл которой остался для поручика неясным: — Всё правду пишут.

Ржевский не успел спросить отца, что тот имеет в виду. Иван Антонович махнул рукой кому-то, скрывавшемуся в дверях усадьбы.

— А ну...

На белый свет показалась румяная девка ослепительной красоты с хлебом-солью в руках. Она поклонилась поручику в пояс, открыв рискованный вырез на блузе.

— Отведайте, барин.

— Как думаешь, отведаст? — с тревогой шепнул мужик, прятавший дочку, второму.

— Чего ж не отведать? Манька — девка в соку.

— Это мне? — растрогался Ржевский. — Благодарю. Иван, прими. — Он передал поднос с угощением денщику, после чего с нескрываемым удовольствием расцеловал девушку в щеки. Манька горделиво оглянулась на затаившихся по углам девок.

— Глянулась вроде, — с облегчением перевел дух мужик. Завидев в одном из окон свою Палашку, он погрозил ей кулаком. Лицо в окне исчезло.

— А теперь... — Отец поручика обернулся назад, принял из рук прислуги огромный фужер, наполненный шампанским, и протянул его сыну. — С возвращением!

Александр с удивлением посмотрел на колоссальный сосуд.

— Что это?

— Шампанское. Самое лучшее, — с гордостью сказал Иван Антонович. — Еле сыскали. В нашей-то глуши.

— Простите, батюшка, — улыбнулся поручик, — но такая порция — не для меня.

Его отец свирепо посмотрел на жену.

— Говорил тебе, в сапог надо было лить! А ты: «Фужер, фужер...»

— Позвольте, я приму, — разрядил неловкость Иван. Засунув под мышку каравай, он с готовностью подхватил бокал и немедленно осушил его до дна.

Елена Андреевна воспользовалась общей заминкой и вновь припала к груди Александра.

— Сынок!

Иван Антонович недовольно поморщился.

— Ладно тебе, мать. Хорош выть. Идем в дом.

Все поворотились к дверям усадьбы. Перед самым крыльцом Ржевский задержался, отряхивая с себя дорожную пыль. Отец Палашки тут же ринулся к нему.

— Не прогневайся, барин!

Ржевский обернулся.

— Что?

— Манька-то хорошая девка, — затараторил мужик. — Всем двором выбирали. А наших не трогал бы, а? — с мольбой попросил он.

Поручик удивленно приподнял брови.

— Я тебя что-то не пойму. В каком смысле — не трогал? В прямом или в фигуральном?

Мужик неожиданно бухнулся на колени.

— Только не в фихуральном, барин! Только не в фихуральном! Уж ежели не миновать, то лучше в прямом. В прямом им привычней.

Ржевский растерялся.

— Да ты о чем говоришь?

— Сынок, идем, — поторопил его отец.

— Да-да, батюшка. — Поручик взбежал на крыльцо.

Мужик встал с колен, горестно вздохнул и напялил шапку.

— Чую, в фихуральном начнет баловать, охальник. Видать, не глянулась Манька. Куды ж девок-то прятать? Вот беда-то, вот беда...

Народ принялся расходиться. Наиболее смелые осторожно прильнули к окнам усадьбы, надеясь разглядеть, что происходит в господском доме. Иван, забытый поручиком, так и остался стоять у крыльца с караваем в руках. Глафира подошла к нему.

— А ваше как имя-прозвание, добрый человек, смею спросить?

— Иван Пантелеевич мы.

— Не откажите пройти на угощение, Иван Пантелеевич, — скромно потупившись, сказала Глафира.

Иван приосанился.

— На угощение? А чем угощать-то будете?

Глафира как бы невзначай поправила платье, вы-

ставив на обозрение наиболее аппетитные детали своей фигуры.

— Да уж найдем, чем угостить.

— Что ж, тогда не откажусь.

Войдя в дом в сопровождении родителей, Ржевский тут же увидел свою сестру Марию — молодую женщину тридцати двух лет, засидевшуюся в девках по причине необычайной строгости нравов, отпугивавшей потенциальных женихов.

— Маша! — Поручик бросился к ней, но сестра приветствовала его весьма сдержанно.

— Здравствуй, Александр.

— Ты мне не рада? — растерялся Ржевский.

— Рада, конечно. Но, уж извини, мне понадобится время, чтобы привыкнуть к тебе... в новом качестве.

— Я понимаю. — Поручик решил, что сестра пока не готова признать в нем офицера и героя войны. Он взял Машу за руки. — Я ужасно тебе рад, — признался Александр. — Не поверишь, всю дорогу мечтал о той минуте, когда мы останемся вдвоем и я смогу тебе...

Мать испуганно ахнула. Ржевский повернулся к ней.

— Сынок, — тревожно сказал отец, — ты разве ж забыл? Она сестра твоя.

Поручик не понял причин подобной реакции родителей.

— Я просто вспомнил, — пояснил он, — как клал ей голову на колени. Разве в полку у меня была такая возможность — уединиться с родной сестрой и...

— Сынок! — воскликнул Иван Антонович, пытаясь предупредить неминуемые, с его точки зрения, срам-

ные слова, за которыми, судя по известной книге, Александр в карман не лез.

— А и ничего, — отважно заступилась за сына мать, всегда готовая оправдать любой поступок любимого Сашеньки. — Всякое бывает. У царей так обычное дело.

Мария вырвала ладонь из рук брата.

— Ну, хватит, Александр. Держи себя в руках.

— Да, сынок. Ты уж как-нибудь потерпи до завтра, — попросил Иван Антонович. — Завтра Базаровы придут. Обедать.

— Базаровы? — воссиял Ржевский. — И... Натали? — с чувством произнес он имя героини своих грез.

— Даст бог, и Наташенька будет, — закивала мать, вовсе не уверенная в том, что теперь, прочтя книгу, Базаровы допустят, чтобы их дочь общалась с поручиком. — Ты уж лучше ее дождись...

— Натали... — мечтательно сказал Ржевский. — Я думал, что уже никогда с ней не увижусь.

Он вновь погрузился в воспоминания...

На лесной лужайке, демонстративно не глядя друг на друга, стояли двое молодых людей с пистолетами в руках. Секундант, находившийся между ними, сказал:

— Господа, в последний раз предлагаю вам примириться. Убивать друг друга из-за женщины, пусть даже такой, как Натали Базарова, — просто глупо. Не можете разобраться, кто из вас лишний, возьмите ромашку, напишите на лепестках «Ржевский» и «Оболенский», а потом рвите лепестки по одному. Кто останется — тот и жених.

— Рвать лепестки? Какое мещанство! — возмутился Оболенский. — Стреляться! Пуля рассудит нас.

— А вы что скажете, Александр Иванович? — обратился к Ржевскому секундант.

— Пуля — дура, — презрительно сказал тот. — Но, если господину Оболенскому угодно, я готов!

Секундант пожал плечами.

— В таком случае напоминаю вам правила дуэли. Сходиться начинаете по моей команде. На десяти шагах можете стрелять.

— Я требую, чтобы на пяти! — перебил его Оболенский.

— Позвольте, но в подобном случае предложение Натали придется делать мне.

— Почему?

— Вы оба друг друга застрелите.

— Он прав, — согласился Ржевский. — Остановимся на десяти.

— Нет! На девяти. — Оболенский ни в чем не мог себе позволить согласиться с противником.

Ржевский оплатил ему той же монетой:

— Девять с половиной!

Не встретив дальнейших возражений, секундант воткнул в землю шпаги.

— Что ж, господа, сходитесь.

Пока дуэлянты сближались, он пробормотал себе под нос:

— Вот дураки. Стреляться из-за женщины. Я же не стрелялся из-за своей Вари? Правда, мне никто и не предлагал. Кстати, почему? Женщина вроде бы не хуже других. Не одноглазая, не хромая. Даже обидно как-то... — Он глянул на дуэлянтов, которые уже начали поднимать пистолеты. — Ну, держись. Сейчас палить начнут.

Внезапно со стороны леса раздался громкий женский крик:

— Нет!

Ржевский от неожиданности вздрогнул и выстрелил.

— Ах! — Оболенский схватился за грудь и рухнул на траву.

— Ну вот и сделали дельце, помолясь, — поспешно сказал секундант, забирая из рук оторопевшего Ржевского пистолет.

Натали Базарова подбежала к Оболенскому, прижала руки к лицу и обратила в сторону Александра ненавидящий взгляд.

— Вы убили его!

— Не может быть, — не поверил Ржевский. — Я стрелял первый раз в жизни.

— Новичкам везет, — заметил секундант, чувствовавший себя крайне неудобно. — Ладно, господа. Вижу, я здесь уже не нужен. Совет вам да любовь, и все такое. Честь имею. — Он быстро ретировался.

— Что вы наделали?! За что?! — продолжала клеймить Ржевского Натали.

— Оболенский сам предложил, — тоном провинившегося школьника сказал Александр. — Мы оба любим вас, Наташа. И решили, что предложение делает тот, кто останется в живых.

— Ах вот как? — возмутилась Натали. — Может, лучше было спросить, кого из вас люблю я?

Ржевский растерялся.

— Хм, действительно. Как-то в голову не пришло. Все кругом стреляются, вот и мы...

Оболенский простонал и слабым голосом патетически произнес:

— Наташа, я умираю с вашим именем на устах.

— О боже! — Натали бросилась на траву и обхватила раненого руками.

— Для умирающего у вас довольно цветущий вид, — ревниво сказал Ржевский.

— Уйдите! — воскликнула Наташа.

— Да, Ржевский, — поддержал ее Оболенский неожиданно окрепшим голосом. — Уйдите немедленно. Я не хочу умирать в вашем присутствии.

— Вы слышали? — Натали продолжала испепелять Александра взором. — Желание умирающего — закон! Уйдите! И никогда больше не появляйтесь у меня на глазах! Как вы могли?! В то время, когда корсиканский узурпатор вторгся в пределы России, когда под игом французов стонут Испания, Италия, Австрия, Пруссия...

Пламенная речь Натали потрясла Ржевского.

— Наташа! Вы что, читаете газеты?!

— ...вы убили человека, — закончила Натали, проигнорировав этот вопрос, — который мог бы отдать свою кровь Отечеству!

Упоминание о крови оказалось как нельзя кстати. Александр посмотрел на Оболенского с подозрением.

— Я что-то не вижу крови. Ну-ка, покажите свою рану.

Тот поспешно зажал грудь рукой.

— Прекратите глумиться над умирающим.

— Покажите рану — и прекращу.

Оболенский нехотя опустил руку. Ржевский возликовал:

— Крови нет! Так я и думал. Первый раз в жизни стрелять и попасть при этом было бы странно.

— Крови нет? — растерялась Натали. — Вы не ранены?

— Ну... Наверно, просто контузило, — неуверенно ответил Оболенский.

Натали порывисто вскочила.

— Вы... Вы... — Глаза ее метали молнии. — Вы оба мне противны! Мы расстаемся навсегда!

Она бросилась в сторону леса.

— Наташа! — попытался остановить девушку Александр.

— Оставьте, это бесполезно.

Оболенский встал с травы и отряхнул сюртук. Расстроенный Ржевский недовольно посмотрел на него.

— Что за глупость вы придумали с этим ранением?

— Глупость не глупость, — пожал плечами Оболенский, — а могло и прокатить. Что теперь делать будем?

— Что делать? — Ржевский приобрел решительный вид. — Я знаю, что делать. Я пойду в армию.

Оболенский посмотрел на него насмешливо.

— Вы? Ну все, Буонапарте конец.

— Можете язвить сколько угодно, — вспыхнул Александр, — но я пойду в армию, и когда слава о моих подвигах достигнет Натали — я вернусь к ней героем.

— А что, неплохая мысль, — одобрил Оболенский. — Я тоже пойду в армию. Посмотрим, чья слава достигнет Наташи раньше. Итак...

— Итак, я иду в армию, — повторил Ржевский.

— А я в армию поеду, — Оболенский и здесь нашел что возразить. — На лошади.

— А что же Оболенский, не приехал с тобой? — спросил Иван Антонович. — Выходит, отступился?

— Меня самого это удивило. Более того... Проща-

ясь, Николай сказал: «Можете мне поверить, Ржевский, ваши подвиги дома оценят по достоинству». И, по-моему, он говорил искренне.

— Выходит, благородный человек?

— Выходит, так.

— Хотя личность паскудная.

— Вы правы, батюшка, — согласился Александр. — Личность паскудная, а человек благородный. Такой вот странный парадокс.

— Родители его незадолго до войны в Москву уехали, — вспомнила мать. — С тех пор о них ни слуху ни духу. Уж не сгубил ли их Бонапарте?

— Живы, — успокоил ее Александр. — Отец корнета даже отличился в кампании. Пожары в Москве — его рук дело.

— Да уж. Чубук-то он курил всегда неаккуратно. Бывало, придет в гости, все пеплом засыплет.

— Их родственник Андрей Петрович Оболенский теперь в Москве большой человек — попечитель всех учебных заведений.

— И их, значит, взял на попечение. — Мать посмотрела на Александра с тревогой. — А с младшим-то Оболенским у тебя как? Из пистолей друг в дружку больше не палите?

— В этом нет необходимости, — сухо сказал поручик. — Иное слово поразит сильнее пули.

— Паразит он изрядный, — согласилась мать. — И мальцом таким был. Видать, не изменился.

— Да что нам с того? — закрыл тему Иван Антонович. — Бог ему судья. Может, прежде чем к столу идти, в баньку? — предложил он сыну. — С дорожки-то?

— Почему бы и нет? Изволь, — согласился тот.

— Вот и дело! — обрадовался отец. — Вот и дело! Там уж готово все. Пожалуй, и я с тобой схожу. Разогрею старые кости.

— Ты-то, отец мой, куда? — воспротивилась мать. — Али ты вчера ввечеру не мылся?

— Так за компанию чего ж не сходить? Пар костей не ломит. Иди, сынок. Я скоро. Помнишь, где банька-то?

— Помню, батюшка. Как не помнить — три раза тушили.

Счастливо улыбнувшись родителям, Александр пошел к дверям.

— Любопытственно мне поглядеть, — шепнул Иван Антонович Елене Андреевне, глядя вслед сыну, — так ли он возмужал, как написано, али брехня?

— Нешто для того в баню идти нужно? — не поняла его истинных намерений жена. — Али так не видишь, что возмужал?

— Так-то вижу, да не так.

Елену Андреевну беспокоило другое.

— С Наташей-то теперь как? Ведь ждала девка. Кабы не книжка эта проклятущая...

— Может, и сладится, — с сомнением сказал Иван Антонович. — А нет, так у Паниных девка есть.

— Тю! — вскинулась Елена Андреевна. — Сравнил, дурак старый, божий дар с яичницей. Мать — бывшая актриска. И дочь вся в нее. А Наташенька — совсем другое дело. Пусть только приедет, а там уж я расстарюсь.

— Сам пусть выбирает, — Иван Антонович не разделял пристрастий жены, — чай, не дитя уже. Пошли к Паниным гонца, пусть передаст приглашение на завтрашний обед.

— А к Базаровым?

Иван Антонович поморщился.

— Не люблю я графа. Одно только, что титул — «ваша светлость», а сами дома в полутьме сидят — на

свечах экономят. Панины попроще будут. Полковник, я слышал, и вовсе либерал.

— Полковник — либерал?! — перепугалась мать. — Как же это? Ведь православный.

— Может, и брешут, — успокоил ее муж. — Ладно, пиши и Базаровым, — согласился он, отправляясь вслед за сыном.

Как только Иван Антонович отдалился на значительное расстояние, жена его тут же убрала с лица привычно-покорный вид, хитро прищурилась и сказала:

— Пиши... Как же. Отправила уже.

История третья

«Денщик поручика Ржевского беседует с дворовыми.

— А поручик крут? — спрашивают те.

— Еще как крут, — отвечает денщик. — Про Кутузова слышали? Который одноглазый?

— Слыхали.

— А знаете, почему он без глаза? Пospорили они как-то с поручиком. Тот и говорит...»

— Нет, нет и нет! — решительно воскликнул граф Базаров, потрясая приглашением, только что присланным от Ржевских.

— Но почему, папá? — Заплаканная Наташа заломила руки. — Я должна хотя бы посмотреть ему в лицо!

— Ни за что! Смотреть в лицо этому чудовищу? Этому... этому... Пока ты будешь ему смотреть в лицо, он тебе... Нет, нет и нет!

— Но ведь вы с мамой идете к Ржевским? — возразила Наташа.

— Да, идем, — включилась в разговор графиня, — но лишь для того, чтобы предотвратить его возможный визит сюда.

— И все же я должна его видеть! — настаивала на своем Наташа. — Я должна понять, как он мог так измениться.

— Не смей и думать об этом. — Граф нерешительно посмотрел на жену. — Кстати, *ma chère*¹, полагаю, тебе тоже не следует ехать.

— Вот еще глупости! — возмутилась графиня. — Нам непременно нужно ехать вдвоем. Ты, Николая, отвлечешь внимание родителей, а уж я, оставшись наедине с Александром...

— Мне кажется, *ma chère*, — забеспокоился граф, — тебе не стоит оставаться с ним наедине...

— Не беспокойся, Николая. Я просто отведу его в сторону, в какой-нибудь укромный уголок.

— Если верить корнету, именно там он и...

— Возможно, корнет преувеличивает.

— А если корнет преуменьшает?

— А если корнет просто врет?! — воскликнула Наташа. — Эта история со свечами и тортом...

— Натали! — Граф с негодованием посмотрел на дочь. — Ты что, читала эту мерзкую книгу?!

Наташа поспешно отвела глаза.

— Что вы, папá. Мне просто кто-то рассказал. Уже не помню, кто. Но я должна с ним объясниться!

— Натали, — сказала графиня, — немедленно иди к себе.

Наташа в голос зарыдала и стремительно выбежала из комнаты.

— История с тортом! — покачал головой не на шутку взволнованный граф. — Надеюсь, хотя бы о пруде и гусях ей никто не рассказал.

Графиня моментально уставилась на него.

— Николая! Ты что, прочел эту чудовищную книгу?

Граф тут же отвел глаза.

— Что ты, дорогая. Так, проглядел несколько страниц.

¹ Дорогая (*фр.*).